

К Р 2
К 88
К-34368

Я КУБАШИНА

ЕЩЁ
ОДИН
СЮЖЕТ

Национальная библиотека ЧР

к-034368

кф

к р 2
к 88

**ЛИДИЯ
КУБАШИНА**

ЕЩЁ

ОДИН

кф

СЮЖЕТ

Стихи

кф 94

Чебоксары
Чувашское книжное издательство
2001

УДК 8 (471.344)—1

ББК 84 (2 Рос-Рус) 69 (2 Рос. Чув)—52

К 89

ПРОВЕРЕНО

20/10

29 АВГ 2017

к-34368

НАЦИОНАЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ISBN 5-7670-1199-0

© Чувашское книжное
издательство, 2001

© Л. М. Кубашина, 2001

СТРОКИ

* * *

Моя поэзия — в клокочущем молчаньи
Залитых звуков горловых свинцом.
Моя поэзия — в гримасе, как в дерзаньи,
Той маски, что могла бы быть лицом.

Моя поэзия — кровавое виденье
Сердец горящих, сбитых в полынью.
Моя поэзия — в презренье иль влеченьи
К тому, что, ненавидя, я люблю.

Не жар страстей, объятий упоенье
Диктуют ей ночные голоса.
Не пылом роз струится вдохновенье,
А тленом, чем воздали небеса.

Моей поэзии узлом завиты струны,
Она аккордов звучных не полна.
Стихи ее уродливы, надуманны.
Она тобой больна, моя страна.

* * *

Сквозь чернозем и скудный слой песка,
Одолевая глины пласт сырой,
Стремится к солнцу юная строка,
Словесной переполнена игрой.

Обходит робко корни лопуха
И, подавив в себе страданья стон,
Бежит от хлещущих плетей вьюнка,
Что мыслями своими удручен.

Моя строка, несовершенная пока,
Стремится ввысь, ее наивен взор.
Не гибнет под подошвой башмака,
Начавши с миром робкий разговор.

И, вбитая в асфальт плечом катка,
О как невыносима эта твердь! —
Всей стойкостью апрельского Быка
Не примет унижение за смерть.

Стихами расцветет наверняка,
Пока звучит в ней мой Тигриный рык,
Издерганная временем строка...
Любовный и мятежный явит лик!

* * *

Я ухожу от быта. Ухожу
В корявость фраз. В разломе их — спасенье.
Себя в себе, измучась, не держу.
Не в цельности, увы, предназначенье —

Рассечена на множество частей
Осколком времени и внутренним разладом...
А ты, мой временный и временно ничей,
Разъят покорным жизненным укладом...

И души наши, разум и тела
Пусты и серы, глухи и безмолвны
И втянуты в распад потоком зла,
Тупым притворством оправданья полны...

Нет, не блаженство колкость фраз, а стон,
И боль, и крик, и рабское служенье.
И всасывает жизненный бетон
Моей поэзии слепые ухищренья.

* * *

Мои во мне не пишутся стихи.
Безумствуя, не рвутся в высоту.
Тихи в отчаяньи, иль странно далеки
Не льнут к перу, не просятся к листу
Не потому, что Время так легло
Лениво, за людей не беспокоясь,
А потому, что сердце набело
Судьбы вдруг перекраивает повесть.

* * *

Часто я, во сне ли, воочью,
Вкривь и вкось, и не так и не сяк,
Нагружаю слова многоточьем,
Словно это единственный знак.

В многоточий упрямом круженьи
Волоку отупело слова,
Припадаю в изнеможеньи
К зарождаемому едва,

Мне известному так немного, —
Не поэт я, пишу просто так, —
К стихотворному лишь порогу,
Но там ждет вопросительный знак...

* * *

Где вечный сон, где мирный свет,
Где бездны мрак, надежды явь,
Когда, бессмысленность обьяв,
Пою сухой словесный бред?

Где вопль истошный или стон,
Сарказма смех иль яда хрип,
Когда, исторгнув мертвый всхлип,
Лист нотный жухнет, невесом?

Судьба и жизнь закончат спор.
Вдруг звездной ноты гаснет взлет —
Последним взмахом струны рвет
Всевышний — вечный дирижер.

Мне круг очерчен вяло и непрочно
 Не кистью с жизнерадостным мазком,
 Не циркулем, уверенным и точным,
 А грифельным разбросанным штрихом.

Мне угодить, мой Бог, никто не в силах,
 А ты был, видно, малость под хмельком.
 Пинки, удары — это божья милость?
 А жизнь вразброс, а годы кувырком?

Шутя, ты дал мне для стихов —
 пространство,
 В нем — темный незаметный уголок
 Для сумасбродства и непостоянства...
 Ну, вроде все, что подарил мне Бог.

Я не ропщу, я бегаю по кругу,
 Безропотная, закусив узду,
 Но только он ослабит мне подпругу,
 Я все оставлю, руки разведу.

И, вырвавшись который раз на волю,
 Взмахну крылом — ну, наконец, ничья —
 Уже не знаю, что себе позволю:
 Еще не птица, но не лошадь я...

Внезапно, словно гром,
Дымящим душным сном,
Наполненная ада мертвым чадом,
Чужая мне строка,
Исторгнутая злом,
Впилась в мое крыло, жить стала рядом.
Она мне перья рвет,
Немыслим с ней полет,
И время с ней, горбатой, воедино.
А клекот слов чужих,
Как клювом, мысли бьет.
Пришлось одно крыло с ней вместе скинуть.
Уродлива, хожу,
Последним дорожу
Крылом, свое увечье прикрывая.
И ядом той строки,
Стараюсь не дышу,
Не говорю и не пою, полунемая.
Пощечины страшней,
Меня свел случай с ней,
Когда плечом крутым столкнули в грязь.
Крыло мое — на нем,
В зазубренности дней,
И черная строка лежит, смеясь.

* * *

Когда я отрекусь от дня и ночи,
И пыл стихов моих во мне не заклоочет,
Я разорву земное притяженье,
Лишь выдохнув последнее «прости»,
То ты, охваченное страхом слово,
В чужих губах не затрепещешь снова
Тем чувством радостного вдохновенья,
Как только я могла произнести.
И ты, во мне страдающая нота,
Не лгущая любимым ни на йоту,
Лишенная тепла и сожаленья,
Не сможешь сквозь бесстрастность прорасти.
А вас, лениво уползающие строчки,
Не уничтожит сила многоточий
И магия бесплодного сомненья —
И смерть не сможет меч свой занести!

* * *

Спасаясь от придуманной погони,
Со стоном угли-строчки вороша,
От мук любви, сторающей в агонии,
Бежит моя безумная душа.

Рвет ветер, но он тучи не разгонит.
Бывает жизнь без солнца хороша.
Под стук колес в обшарпанном вагоне
Терзается безумная душа.

И, вырвавшись в окно на перегоне,
Живительным теплом полей дыша,
Приляжет на лугу, где бродят кони,
И успокоится безумная душа.

* * *

Р. Г. В.

И в радости, и в горе, и в ненастье
Сама собою будь! Не всем дано
Высокого безоблачного счастья...
И быть самим собой — лишь истине равно.

* * *

Н. П. П.

Бывает жизнь жестока и сурова,
Тупа бывает и бессмысленно права,
Тогда нам не хватает только слова,
Лишь слова, а не щедрости в словах.

В судьбе своей на повороте новом
На слов потоки откликаться не спеши,
Вдруг озарит тебя одно лишь слово,
Оно и будет светом для души.

* * *

А. И. Е.

Я тебя давно не поздравляю,
Дата лишь душе наперекор
И весеннему хмельному маю,
Возникающему, как ненужный спор.

Дата лишь судьбе противоречье,
Все спешит расставить по местам,
День грозитя заменить на вечер,
Но к чему отчаиваться нам?

Нет угрозы в календарных цифрах,
Пусть из года в год летит листва,
Жизнь наполнена высоких смыслов...
Но об этом лучше знаешь ты сама.

* * *

Т. В. И.

В пречистый светлый праздник Рождества —
Святых небес высокого прощенья —
К тебе — все чувства, мысли и слова,
Тебе — всех добрых помыслов свершенья...

* * *

А. И. Л.

Семьдесят пять! —
Был жестоко намечен
путь сквозь войну —
в неуверенность дней...

Пусть же звучат
друзей Ваших речи
и слов заздравных
лется елей.

Май ваш победный
стынет в граните

вечным итогом
тех искренних лет.

Годы в руках,
как винтовку, сожмите,
пусть будет долгим
Вам солнечный свет!

* * *

И. Д. Т.

Природа напряглась. Дрожит восход
У края горизонта. И в волнении
пылает небо. Это настает
твой первый миг, несущий День рождения.
Сверкнула сквозь серебряный туман
уже звезда. Услышав первый вздох,
лег в землю желудь, будущий юман*
и начертал судьбу Всесильный Бог —
богатую, где взлеты и падения,
любовь, утраты, не короткий век...
Но с самого начала сотворения
был ли хоть раз доволен человек,
что хлеб — в печи, что утро есть и вечер,
и плещется вода в реке... А дело в том,
что все высокое, чем и твой путь отмечен
лишь в божьей длани с указующим перстом.

---

* Юман (чув.) — дуб.

НАПУТСТВИЕ

*Выпускникам 2001 года
музыкального факультета
Ханты-Мансийского
педагогического училища*

Еще не угасли звуки
    прелюдий и менуэтов,
Еще не остыли пальцы
    от клавиш, горячих струн,
Еще вас так греет дружба
    ханты-мансийского лета,
Но ждет впереди дорога
    и взгляд ваш беспечен и юн.
Пусть в жизненной круговерти,
    на самом глухом перекрестке
Спасают воспоминанья,
    аккордом дружеских рук.
Не все так плохо на свете,
    хотя далеко все непросто...
Под шум перронов вокзальных,
    колес метрономный стук
Обдумайте ваши планы,
    проверьте биением сердца,
Любите, не сожалейте,
    судьбы так неровен взлет.
Пусть время вам лечит раны,
    увы, никуда не деться
От бед, обманов, ошибок...
    Дерзайте — и вам повезет.

* * *

Средь белозубья фраз, где слово без оков,
Рука, руки коснувшись, опалает жаром.
И слышен смутный зов из глубины веков,
И бьет толчками кровь и тешится угаром.

Средь ржавчины травы, пожухлости листков,
Но ярких летних пятен в женском облаченьи,
Сквозит призывный зов из глубины веков —
Иди ко мне, я жду, отдай мне предпочтенье.

Среди усталых глаз, поникших уголков
Увядших бледных губ и слабых рук участия
Волнует душу зов из глубины веков —
Мой милый, подари себе меня на счастье.

* * *

В грязные волны асфальта врезается дождь —
Серый, усталый, надолго отмерен.
Мне без тебя этот год, уползающий прочь,
Кольца ослабивший дней, уже не смертелен.

В голые ветки деревьев впивается снег —
В страсти своей быть единственно первым.
Мне без тебя этот год, закрывающий век,
Как тетива, в напряженьи держащая нервы.

В черную землю вонзаются корни травы,
Майского солнца ловящей светлые струи.
Мне без тебя этот год, без хулы и молвы,
Как возвращенье губам твоего поцелуя.

* * *

Уже почти истаял сонный май
В неясном свете солнечных лучей —
Едва намеченный, как зыбкий свет свечей,
И призрачно-дрожащий, словно марь.
В названии своем таящий вздох
И выдох облегченья потому,
Что май — от слова «маяться». Ему
И Им начертано. И видит Бог,
Что мы, несущие его дыханье,
Мелки и суетны, и в помыслах слабы,
Не господа себе и не рабы,

Что в чреве женском угасает созиданье,
Как жухнет ветка от кислотного дождя...
И умирает май, с дождями уходя,
Взрываясь цветом зимнего страданья.

* * *

Время быт растревожит,
Время мысли остудит,
Все по полкам разложит
И за ложь не осудит,
И само нас обманет
Гробовым плачем труб,
Поперек горла встанет,
Счастьем вспыхнет меж губ,
Прозвучит вдруг тревожно
В угасании дня...
Время лечит? Возможно...
Но и губит меня.

* * *

Циничным временем истерты строки.
Они черны без ярких сочных слов.
Не подошли или прошли все сроки,
Когда их откровеньям путь готов.
Дающие истерзаны ладони
Шершавой бухгалтерией реалий,
И, задыхаясь от законо-беззаконий,
Влачишь поэзию, что на кресте распяли.

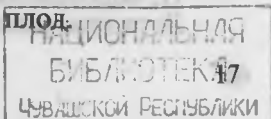
* * *

В последней муке беззащитны окна,
Вдруг вспыхнувшие в поздней темноте.
Подслеповато-дребезжащи стекла,
И мир их горек в щедрой пустоте,
Ненужности надменного пространства.
Минуты-капли, истекая ненароком,
Отчизне будут незначительным упреком...
И ждут конца, как ясную погоду,
Порвать пытаюсь нити бытия.
С мольбой торопят матушку-природу,
Чтоб их в объятия скорей взяла земля
Из ветхого и дряхлого убранства,
Как ждет уставшее от жизни тело
Спокойного и вечного предела...
Их время, окна-лица бороздя,
Наносит сетку прочную морщин
И призывает вечного Тебя:
Уж ты-то, сделай милость, не покинь —
Из года в год в молитве постоянство...
Все меньше этих одиноких лиц,
И тщетно виноватым падать ниц...

* * *

Накидало в меня, накидало
Дней октябрьских кровь, желчь и пот.
Все, что злобой рвалось, клокотало
И сочилось, не выносив плод.

к-34368

Окатило меня, окатило
Грязью липкой с трибуны страны.
Об обочину дней раздавило,
Но глаза еще верой полны.

Отравило меня, отравило
Благом тем, что наобещало,
Но от Родины не отвратило —
Мне быть лишь россиянкой — мало.

Отстрадало во мне, отстрадало —
Ствол орудий опущен, скорбь —
Время бойни, трущоб и подвалов,
Время рвущихся жить для себя.

1993

* * *

Разъята жизнь на полосы и даты,
На треугольники взаимоотношений,
На унисон и разноречивых сердцебиений,
На тайники заброшенной расплаты,
Тревожащей, чем дальше, тем все глуше.
Разделена на четкие квадраты
Семейных уз и их бесспорных мнений,
На яркие заплатки настроений
На ветхом полотне былой утраты —
Когда мы юны, мало кто нам нужен.
Жизнь рассеклась, напрасны уговоры.
И, сбросив груз притворства, лжи и бед,
Летящим узким темным коридором

Спешим в божественный спасенья свет,
Тот, что последней пристанью всем служит...

* * *

Не боль — удар,
Не страх — а злость, кураж.
Вдавила вновь судьба
В крутой вираж...

Полузакрашено, облуплено давно,
Пустым бельмом таращится окно,
Свистящей бабьим шепотом палаты...
Как все мы — грешны,
Как за муки — святы.

* * *

В одной из жизней с нами вдруг случился год,
Что был улыбчив, разговорчив, вроде, честен.
Разрушивши, не строил. Без хлопот
Сулил быт новый, счастье, много песен.

Он простодушно смешивал обман
С заплесневелой истиной, а слезы
За капли пота трудового выдавал —
Глаза в глаза, без напряжения и позы.

Он рос и ширился, трибуны было мало,
Впитав в себя народную печаль,
Он сквозь аэропорты и вокзалы
Сочился в массы. Время не смолчало

И разродилось августовским путчем —
Младенцем истинно российским, так решили.
Ах, если б в людях разбираться лучше,
Заранее б соломки подстелили...

Год проскрипел и отошел к нулю,
Трехцветным дням дорогу уступая.
Всем хорошо, хотя я не люблю
Годов без праздников ноябрьских или мая...

Теперь другой для нас случился год:
Не год, а гроб — и холоден и тесен.
И неизвестно кто куда кого ведет...
И не до быта, не до счастья, не до песен.

1993

* * *

Умом Россию не понять...

Ф. Тютчев

Нет, не утихли привычные страсти.
Руки и нервы напряжены.
Что за проклятья, что за напасти
Посланы свыше для нашей страны?

Союз уничтожен. Россия расколота.
Вновь Родины чаша наполнилась бедами.
Но нет с нами здесь генерала Ермолова,
И нет дипломата нам Грибоедова.

Умом ли ущербны, иль разумом нищи,
Иль флаг наш российский дешевле, чем знамя?

Но вновь задрожало родное кладбище
Под залитыми в свинец гробами.

Поправ православье, закон шариата,
Мы воды Суржи окровавили зря.
И брат поднимает руку на брата,
И Бог нам другого послал Шамиля.

Рука проливает кровь невинного.
Еще сто одна жизнь земле предана.
Ты, городок командарма Буденного,
С тебя ли гражданская грянет война?

России судьба переполнилась бедами.
За женщин с детьми — в молитве Земля,
Но нет дипломата нам Грибоедова,
И Бог нам другого послал Шамиля...

18 июня 1995 г.

* * *

Весна бурлила, небо голубело
И «опель» щедрый окатил из лужи нас.
Я вслед ему не все сказать сумела.
Что не сказала? — думаю сейчас.

Дверь магазина грохотала и скрипела,
И «новый русский» гордо зрил сквозь нас.
Спросить о ценах даже не посмела
И вряд ли буду здесь в другой я раз.

Проголодалась, «сникерса» поела:
Реклама бьет в глаза, — все фирмы класс.
Я до больницы добежать успела —
Все больше родина заботится о нас.

Итак, весна, и слякоть, и разруха,
Троллейбус, что мы ждали только час,
И локоть, что мне нагло целит в ухо...

— Сынок, спасибо...

— Чо-о?!

— Спасибо, что не в глаз.

* * *

Как время скоротечно, вроде
Совсем недавно, в свой черед
Спохватывались, что подходит
К концу нам надоевший год,
И, вспоминая дни, мгновенья,
События, их горечь, сладость,
Друзьям писали поздравленья.
Но новогодних сказок власть
Над серым и ленивым бытом
Была печально-коротка.
И сбить холодной жизни ритм
Не всем нам удалось пока.
И, падая с ветвей, звенели
Шары блестящие, и бились.
Скупого времени качели
Размеренно не торопились
Сменить тоскливый скрип и скуку

На взрыв шампанского дождя;
А ночь вдруг заносила руку,
Смыкала стрелки; уходя,
Год постаревший горбил спину;
И мы, сквозь радость и усталость,
На золотую середину
Направить жизнь свою пытались —
С воспоминаньем детским сладким,
С подарком утром под подушкой.
И елка пела нам украдкой
Слова волшебные на ушко,
Звала, шуршала колкой веткой,
Несла собой внезапность чуда...
Но чудеса здесь стали редки,
И ждать их — глупая причуда...

* * *

Летит за страницей страница,
Чем дальше, тем круче полет,
Дрожат от обиды ресницы,
Вот-вот послесловие ждет.
И время — жестокие лица —
Нахлестывает меня,
Приказывает торопиться
В пустых лабиринтах дня.
А в небе журавль и синица,
Но в россыпи звездных огней
Я жду, что вспыхнет жар-птица,
Тогда я кинусь за ней.

Ах, как бы с пути не сбиться...
Но новый день настает —
Летит за страницей страница,
Чем дальше, тем круче полет.

* * *

Наш дом сползает на веков изломе,
Воришка Кот шмыгнул мимо ворот,
А на крыльцо вступает незнакомый,
Блестящий сказочный Дракона год,
Всех праздников спесивый повелитель,
Ах, как бы в будни с ним нам не пропасть!
Талантов ярких истинный любитель,
Диктующий жестокой силы власть!
С ним — нервный срыв в политике и быте,
Противоречия — его стезя.
Дракон — эстет, гурман и соблазнитель,
И доверять ему, увы, нельзя.

* * *

Отбросим злобу дней, начнем с нуля,
С нулей грядущего тысячелетья.
Сквозь свежий первый лист календаря
Войдем в неосязаемость столетья
Под власть благоприятных нам планет
И звезд. В непредсказуемой России,
Где, говорят, давно пророка нет,
Вновь будем ждать явления Мессии.

1. 01. 2000

* * *

В Москве идут дожди. Россия стонет,
С державой, очумевшей от войны,
Где бронепоезда на перегоне
Упреком вечным вновь стоять должны,
Столица плачет всем телеэфиром
Над тем, что обещала, не смогла.
И люд, насытившись с утра кефиром,
Спешит туда, где закидает мгла
(Лишь вера, задыхаясь, глупо тлеет),
И где российская неровная стезя
Над совестью и над судьбой довлеет,
Где жить, творить и воскресать — все зря...
Как русская изменчива природа,
И россиянин, не найдя пути,
Глядит окрест: какая ж там погода?
А здесь — в провинции, Москве —
идут дожди...

2000

* * *

Мозаика осеннего листа
Рябит в глазури мокрого асфальта.
Дождем косым расчерчена, пуста
Речная гладь — волн слюдяная смальта.

Птиц треугольник тает в сером небе,
Дрожат от ветра голые кусты,
И год еще один уходит в небыль,
И дни его, остывшие, просты.

* * *

Одряхло лето. Заструились
По его лицу дождя морщины,
Рябью краски жаркие покрылись,
И пожухли травы от кручины.

Воды в речке сковывает старость.
Быстрых лодок поседели днища.
И печальную несет усталость
Дым рыбацкого ночного пепелища.

Только небо — в щедрой летней сини,
И пылают пятна ярких астр.
Но упрямо утром стынет иней —
И последний летний вздох угас.

* * *

Сентябрь золотом украсил скверы
И прошумел приветливым дождем,
Что сеял скуку, но не отнял веры,
Но тут сентябрь, пожалуй, не при чем.

Он лишь старался, смешивая краски,
Замазать кистью зелень на ходу.
И, летние примеривая маски,
Играл с листвою опавшей в чехарду.

И уходил, жалея и скорбя —
Он чувствовал, к зиме мы не готовы.
И, солнца ласки щедрые даря,
Не снял с лесов зеленые покровы.

* * *

Осень торжествует факелом листвы,
Азбукою Морзе в окна бьет ночами,
Птиц сбивает в стаи, чтобы знали мы,
Что не вечно лето с жаркими лучами.

Резким ветром входит в души и сердца,
Охлаждает руки и сжимает губы.
Чтоб не забывали своего конца...
И с дождем осенним жизнь идет на убыль.

* * *

Седое утро ноября — и дрожь, и стынь,
И солнце редкое — как отблеск лета.
Из трав — лишь серебристая полынь,
В себя вобравшая белесость света
И терпко-горьковатый аромат
Роскошного былого окруженья.
И лишь сейчас она мой тянет взгляд,
Когда пожухло яркое цветенье.
Прости, теперь, на фоне ноября,
Ты мне нужна и отразила состоянье
Моей души и гаснущего дня,
Где чувства, как неяркое мерцанье
Зеленых светлячков, чья жизнь мгновенье...
Пережила полынь пренебреженья
И осень жизни осветила для меня.

* * *

Блестит, шуршит, рыжеет в ветках осень,
Унылы в тяжести дождливой облака.
И ветер надоедлив и несносен,
И вянет слово, и грустит строка.

День холодеет, исчезает, тает:
Ленивей — губы, безразличней — взгляд.
Мои стихи в снежинках застывают,
И ни о чем с тобой не говорят.

* * *

Сыну Ярославу

Я смотрю в окно, как листья сохнут,
Красятся в различные цвета,
Падают и под дождями мокнут —
Нет одежды больше у куста.

Почему они такие разные?
Клен желтеет, вместе с ним — береза,
А рябина с черноплодной — красные.
Ива ж серая, как от мороза.

Я решил, что желтые — от солнца,
От лучей — к себе их забирают.
Красные — от астр, что под оконцем
До зимы цветут, не отцветают.

А про те, что серы, неприметны,
Думаю, готовятся в полет.
Среди серых птичек — незаметны —
Стая их с собой на юг возьмет!

1990

* * *

Сквер в голых полушариях кустов
Дрожит от холода прикосновенья.
Звнящую мелодию без слов
Поют деревья в золоте осеннем.
А бархатно-зеленых мудрых сосен
Блестящих кленов не влечет покров.
Наряд измят, порывом ветра сброшен —
Идет пора спокойных зимних снов.

* * *

Как неуютно желтым листьям клена,
Разрозненным на городских ветрах.
Как в воздухе задымленном и сонном
Их носит запоздалый жуткий страх
Пред жалкой участью — застыть без спора,
Прильнув всем телом к серости дорог.
Земля проводит их усталым взором,
И вечность позовет на свой порог.
Их понимает, жалких и измятых,
Вдруг утром встреченный бездомный пес,
С плешивым боком и с разбитой лапой,
Что тычет в лица им свой влажный нос...
Но с ветром листья город миновали
И в сиротливый ворвались лесок,
Где на тропинках, золотясь, дремали
Их братья, свой пережидая срок.
Деревья пели о разлуке птицам,
О том, как ни красив заморский сад,
Земля родная вновь и вновь приснится

И возвратит, ушедших всех, назад.
Лилась листва под солнцем октября,
В руках пылала, пальцы согревая,
А за спиной шурша, звеня, скорбя
Осенних душных дней летела стая.

* * *

Ветра весеннего рвется струя,
Синего неба висит кисея,
Ветви прозрачные пестрых берез
Птиц увлекают надежностью гнезд,
Нежатся, солнцем согреты, поля,
К лету готовится, дышит земля.

* * *

Вода — божественная влага,
Берущая с небес разбег,
Таящаяся в недрах мрака
И в берегах прозрачных рек,
Несущая движенье к свету,
Порыв, простор, сиянье дня
И воскресившая планету
С любимым именем Земля!

* * *

Рожденья всплеск из недр струящий,
Жизнь всей земли в себя вобрал,
Жизнь создающий, дарящий,
Воды стремительный кристалл.

* * *

Бежит, в траве купается,
Звенит, шуршит листвою,
Дождями разливается
Осеннею порой.

И с дерзкою отвагою
Вновь к солнцу рвется ввысь,
Чтоб в семицветье радуги
Дарить земному жизнь!

* * *

В дожде, озерах, океане —
Живущему верна всегда:
Омоет и залечит раны
И к жизни возродит — вода!
В снегах, во льдах и водопадах,
И в росах золотых полей
Она нам — вечная награда,
Пока мы верно служим ей!

* * *

Эти серые горы прокисшего снега
Не жалеют своих тускло таящих дней.
И в ручье, ускользящем в мертвую небыль,
Не струят покаянья деяний людей.

В цвете мрачном несут суть, нутро, отраженье
Краха, злобы и лжи, нерожденье цветка.

В этой влаге нет света, дыханья, движенья,
Продолжения нет, лишь глухая тоска.

Колос хлебный, такую водой напоенный,
Отрыгнется свинцом — в горло бьющим
зерном,
И не полем в ромашках, а плацем бетонным
Станет луг под родным деревенским окном.

Поперхнувшись глотком из седого колодца,
Мы пойдем, вот она, неизбежна беда...
Скажет кто, чем еще на Земле обернется,
Отразившая нас, вековая вода.

* * *

Вся мрачно-синяя, насыщенная дымом,
Дождем свинцовым, сточных вод теплом,
Река осенняя тиха перед Незримым
И не тоскует о своем былом.

Усталая, в морщинах, вяло плещет
Волной седой, где бесполезна жизнь.
Напрасно ветер страстью к ней трепещет
И сыплет золото парчи кленовых риз.

Лишь звон колоколов ей дарит веру,
Лишь купола церковей покоят взгляд,
Когда, забывших божий страх и меру,
Хлопот людских вода вбирает яд.

* * *

Сестре Ирине

Ханты-Мансийск — в объятиях тайги,
Омытый рек печалью и укором,
Прошу тебя, храни и береги
Ее богатства, взятые измором.

Ханты-Мансийск — в объятиях болот,
Пока еще богатых голубикой,
Прошу, не захлебнись в потоке рвот
Канализации — расправы дикой.

Игрушечный малоэтажный городок —
С певучей речью от бичей до продавщиц,
Тебя, надеюсь, не постигнет рок
Междоусобья — дележа границ?

Ханты-Мансийск — охотник узкоглазый,
Взращенный Обью, строгой и седой,
Не замени враждой — страны проказой —
Многообразье лиц и облик твой.

И пусть южнее мой родной порог,
Мне ближе нравы северной природы.
И с перепутья пройденных дорог,
Ханты-Мансийск, я мчусь к тебе сквозь годы.

* * *

Старый вокзал призато плен асфальтом,
В кассах идут за билеты бои.
Двери распелись старческим альтом,
В лето распахнуты окна и дни.

Хрипло вопит на стене репродуктор,
Мчатся троллейбусы ярким мазком.
Непроницаемо важен кондуктор,
Шумной толпою в автобус влеком.

Там, теплотой единенья согрета,
Дачная тема понятна, близка,
Ждет всех зеленое облако света,
Воздух и поле, лес и река.

В глади асфальтовой дождь растекается,
Мокрый вокзал, как корабль, стоит.
Утром и вечером с нами прощается —
Кто остается, тот больше скорбит.

* * *

На «до» и «после» время раздвоив,
Сквозь пряный, в липовом уборе город,
Врываюсь в Чебоксарский я залив,
Где в синих сумерках зажгутся скоро
Фонтана струи-перья над водой,
Проснется ярмарки ночной веселье,
И фонарей над медленной пустой
Лиловой гладью вспыхнет ожерелье,
Где золотом сияют купола
Церквей, парящих в темном плюше неба,
И где «Дорога к Храму» пролегла...
Как жаль, что ты со мной в ту ночь там не был...

* * *

Тонким ажуром мостов украшенный,
Сказочным взмахом мечту претворив,
Волжским крылом на земле Чувашии
Затрепетал Чебоксарский залив.
В брызгах фонтана белые струи
Радуг рисуют полуовал,
Город старинный, беды минуя,
Фениксом-птицей над Волгой восстал.

* * *

Плыл город, и троллейбус быстрый шел,
И день угасший вслед летел за нами,
Но вспыхнул яркий странный неба шелк,
Развешанный меж серыми домами.

Он засветился розы лепестком,
Лилово-фиолетовой сиренью,
Прозрачным красным маком, а потом
В пустые окна лег багровой тенью.

Внезапный дар исчезнувшего дня
Я приняла безропотно и жадно,
Боль зимних дней оставила меня,
И бурно, неоглядно, неохватно
Заполонила времени река...

А это просто солнце предзакатное
Февральские сжигало облака.

МАРИИНСКИЙ ПОСАД

Край волжских вод зажжет восход
Багровым заревом.

От сна очнется и вздохнет

Гора Государева.

В цветенье яблонь к ветру льнет,

Теплом объят,

Мой город, чья душа — полет,

Мариинский Посад!

В Успенской роще прозвучит

Птиц вешний хор.

Колоколами прозвенит

Казанский Собор.

И, сбросив груз своих забот

И боль утрат,
Живет, работает, поет
Мариинский Посад!

Дома, места его былины,
Покоят взгляд.
Здесь и цари, и Пушкин были,
Сам воздух свят.
Первопроходцами отмечен
Сей малый град.
Да будет здрав и жив, и вечен
Мариинский Посад!

* * *

Хвала тебе, Чувашия, мой дом!
И имя, и язык твой — сердцу свято.
Дубравами и хмелем, и трудом,
И песнями, и вышивкой богата.

Жива в узорах древних нити сила,
Связавшая народы в их судьбе —
Ты будешь жить во мне, моя Россия,
Пока живет Чувашия в тебе.

* * *

Горды и строги вечные дубравы —
Родной Чувашии приметный лик.
Как в детстве дальнем ветер гладит травы,
К руке ребячьей рыжий конь приник,

И рвется сердце из груди, и светел
Воспоминанием согретый взгляд...
Ты все готов отдать на белом свете,
Чтоб хоть на миг вернуть те дни назад!

* * *

Когда исчезнет пыль больших дорог
И станет грустно от поспешной седины,
Передохнуть от жизненных тревог
В своих краях родимых мы должны.
Там, где привольно льется в бесконечность
И льнет к рукам усталая река,
Где колокола звон спешит навстречу,
И взгляд церквушек устремлен в века,
Где лес угрюм, замшело-стары крыши,
Но в солнечных лучах теплы дома,
И счет кукушки долго-долго слышен,
И городская не тревожит кутерьма...

* * *

Прощай, мой город, быт развеял чары,
Мой узкоглазый город — Чебоксары,
Ты много сил вложил в сопротивление
Ветрам времен, сединам бытия.

Родной мой город, в дебрях новостроек,
Ты выстоишь, надменен и спокоен.
Лишь гаснет, много лет в недоуменьи,
Под грузом бед твоих твоя земля.

Бегу от улиц, распростертых гордо,
На самолетный гул аэропорта,
И на вокзальный лязг, вагонов пенье,
И на причальный скрежет корабля.

Бегу от визга и скандала буден,
Шершав мой взгляд, а слог —
  то нем, то труден,
И продираюсь сквозь сопоставленья
Вчерашней и сегодняшней меня.

А ты, с протянутой ко мне рукою,
Лишь крикнешь: «Кай кунтан»*,
  («не Бог с тобою!»)
И не простишь внезапного влеченья,
Что вызвали таежные края...

ПАРК ПОБЕДЫ

Огонь стремится ввысь, а им, уснувшим,
Нет отдыха в израненной земле —
Тревожит их угар войны минувшей,
Где были святы звезды на Кремле...
Полвека и закаты и рассветы
Без них... без них, но в мае каждый год
Дрожит листвою над Волгой парк Победы,
Своих седых солдат на встречу ждет...

---

* Кай кунтан (чув.) — уходи.

НАВАЖДЕНИЕ

* * *

Наши чувства еще взглядами питались,
Но об этом больше знал окрестный люд.
Мы уверенности той сопротивлялись,
Но в России исстари невинных бьют.

Нас, не то чтобы друг к другу потянуло,
А скрутило, словно вихрем, вперехлест.
Меж сплетенных рук не искра проскользнула,
А взметнулось пламя, аж до звезд.

Мы его тушить вдвоем бросались,
Городили слов заторы до небес.
И, измученные, в семьи укрывались,
Как от выстрелов зверье —
все глубже в лес.

Но, уставшие в людском водовороте,
Как и предрекли — рука в руке,
Оказались мы на эшафоте —
Нетерпимы в загнанной тоске.

* * *

Что за странное состояние,
Захватившее существо?
Мимолетное рук касание —
И взрыв чувств, и любви волшебство.

Что за странное обретение
Через тысячу «не могу»?
Как осенних деревьев цветение
На усталом замерзшем лугу.

Что за странное совпадение
Слов и взглядов, и мыслей, и встреч?
Я наказана этим везением,
И могу ли я им пренебречь?

* * *

Среди сумятиц, серой безысходности
Моя весна смела преграду гордости,
Сугробы от лица сгребла отчаянно,
Для нас с тобой устроила венчание,
Избранник мой. Мы за порогом молодости,
Жизнь врозь текла и в радости и в горести.
И ты напрасно опасаясь, как взрыва,
Моей любви нечаянной порыва.

Пока огонь горит и не дает покоя,
Гадать по гороскопу на обоих,
Меня искать в своих обрывках сна
Немного времени дала тебе весна.
И не зову тебя, и не советую,
И даже на вопрос не жду ответа я,
Но чтоб не думать: «Что ж это такое?» —
В мою весну бросайся с головою!

* * *

Я не могу остановиться на бегу,
И вновь тебя я взглядами тревожу.
Я — притворяюсь, улыбаюсь, даже лгу.
В застылости своей ты — невозможен.

Я — вся захвачена порывом неземным.
Ничто не скомкает мой внутренний полет.
А ты — ты дышишь воздухом иным.
Планета под тобой не мчится, а ползет.

Пусть время для тебя — крах, суета.
Зачем же горло мять моим цветам?
Ведь небо осени для них не пустота,
Раз так цветут они по вечерам.

Мой милый, оторви усталый взгляд
От серости асфальтового плена,
Ведь весен пройденных не возвратит назад
И облетевший цвет не воскресит из тлена.

* * *

Не загорюсь тобой, не растворюсь
В твоём порыве, жадном рук дрожаньи.
Не задыхаюсь, не тянусь, не рвусь —
Я не дерзанье, я — себя терзанье.

Но время сдвинулось — и я не надышусь
Тобой. Меня не укрощает разум.
И в черном зареве греха, сгорая, бьюсь —
На прах и тлен все заменяя разом.

Коварен твой зигзаг, моя судьба,
Пыл ядовит, отравлено влеченье.
И тщетна перед Господом мольба.
Я шла, хотя предвидела паденье.

* * *

Я не твоя, растерзанная словом
И временем, бессмысленно суровым,
И жизнью, что как вечная шлея.
Ну, что ж, что взглядом? Я душою не твоя.

Я не твоя в отравленном пространстве,
Нацеленном на крах непостоянстве —
Предательстве слепого бытия.
Что ж, что рукою? Я душою не твоя.

Я не твоя, но ведь кому-то нужно,
Чтоб извергалась я в стихах недужных.
Другие образы в душе тая.
Ну, что ж, что телом? Я судьбою не твоя...

* * *

Ноябрь сквозит тягуче и бесшумно.
Я жду конца его, как ждут рождение сна.
Я дни влачу устало и бездумно.
Я вся в тебе без края и без дна.
Тобой лишь полон взгляд, слова и мысли.
На имени перо вдруг строчки рвет...
В окне разрозненными строфами повисли
Пунктиры птиц. Их тоже кто-то ждет.
Я с ними рвусь к тебе и сном и явью.
Вновь ворожу, но картам вопреки,
Не вспыхнешь ты моих надежд печалью,
Желаньем ожиданья и тоски.

* * *

Я сетью стянута разлуки,
И далеки
Твои протянутые руки,
Робки шаги.
Я перехлестнута молчаньем,
И оттого
Ты задохнулся от признанья
Не моего.
Как цепью скована я клятвой,
И не права,
Что я разрушила проклятьем
Твои слова.

* * *

Щемит отсутствие прикосновения

Твой руки.

То не любовь, то наваждение

Моей тоски.

Тоски таинственно-измученной,

Как ворожба.

И как так вдруг к твоей прикручена

Моя судьба?

Но я не рву оковы хлипкие

Твоих цепей.

Бреду безропотно, с улыбкою

В тот год ничей.

Ведь наш союз с тобой, полуютчаянный,

Не на года.

Сгорит безропотно и неприкаянно...

Все ерунда!

* * *

Ты мне сказал, что день твой был сумбурным,

А мимолетный поцелуй — дежурным,

Давно обещанным, случайным. Он возник,

Как многоточье давних отношений.

Ты мне сказал, что с той весны ненастной

В любой свой миг,

  счастливым иль несчастным,

Ты стал вздыхать все чаще о покое,

Под гнетом дани жертвоприношений.

Ты мне сказал, что трепетом объятий
Сыта душа и тело, от заклятий
Моих слезливых не проснется жалость
И надоела глупость откровений.

Ты мне сказал... Я повторять не буду.
Осенних дней вдохну в себя остуду
На время. Все равно ко мне вернешься
Просить хотя бы рук прикосновений.

1992

* * *

1

Ты объявил вдруг,
что любовь ко мне — повинность.
За что мне все,
перед тобою в чем провинность?
Я вся горела и дышала лишь тобою.
А может, бредишь вечерами ты другою?
Ты объявил мне, что любовь моя — зануда.
Свалилась вдруг внезапно, ниоткуда.
И ты не знаешь, как избавиться от гнета.
Напоминаешь: есть семья и есть работа.
Ну что ж, с себя сдеру я наважденье.
С протянутой рукой — нет наслажденья.
Но кровоточащей душе не жду признанья.
Мне лишь бы
рук твоих запомнить осязанье...

Я сдираю с себя чувств дурных наваждение.
От любви воровской не вкусить
наслаждения.

Не подарок судьбы, а твое снисхождение
Разрешило со мной времяпрепровождение.
Но во мне голос твой,
как ни бьюсь, не стихает.

И во встречном чужом —
облик твой возникает.

Я тогда — взрыв, обвал и смятение.
Позови — вновь приду, прочь сомнения...

* * *

Твое слово — как водою ледяной
Окатило — словно был не ты со мной.

Отвратило — словно вьюга замела.
Даже странно, что с тобою я была.

Отшумела — как весенняя вода,

Отлетела — дней сумбурных череда.

Отпадает — наважденья шелуха,

За собою я не ведаю греха.

Отболело — вслед с тоскою не гляди.

Ты ведь смелый — столько весен впереди.

Но напрасно не разбрасывай слова,

Только слово — и любовь моя мертва.

* * *

Перебираю я твои слова.
Одни — теплы, округлы, невесомы.
Другие — поднимаю я едва —
Края их остры, грани незнакомы.
А этими сбиваю пальцы в кровь.
Терплю, молчу, они так холодны.
Отталкиваю, возвращаю вновь,
Но нет их, в монолит обращены.
Распята я надгробьем разных слов,
Словесным камнепадом сражена.
Средь валунов
лишь крохотным — «любовь»
Я не награждена.

* * *

Когда вздрогнет мое удивление
От расчетливых пальцев твоих
И внезапной волною прозрение
Охладит любопытства порыв,
То души разорванной клочья
Разнесет синий ветер окрест,
И увижу я правду воочью,
И в тумане мне жить надоест.
Обойду я кружащийся омут,
Не солгу своим трезвым годам.
Не тверди, что неправильно понят,
Я тебе себя не отдам!

* * *

Я тебя покидаю — не зная,
Как сдержать эту стылую осень
И ушедшего странного мая
Позабыть неба летнюю просинь.

Я тебя покидаю — в печали.
Уже зимние веют ветра,
Что надежды мои развенчали,
Стали льдинками угли костра.

Ухожу от тебя я в обиде,
Так, наверное, предreshено.
Я, как птица, рвалась — ты не видел
И нарочно захлопнул окно.

* * *

Ночей меж нами общих не бывало.
Не бил в окно таинственный закат.
И тьма не нам стелила покрывало
Из звезд зовущих, чем июнь богат.

И по глотку хмельному из стакана
Не мы с тобой тянули допоздна.
И бледно-сизая рассветная нирвана
Не нас бросала в утомленье сна.

Но плыл и будет плыть в нас и над нами
Бесовский, колдовской, угарный дым,
Влекущий, как и жертвенное пламя,
Того, кто дрожью юности томим.

* * *

Я насыщена мраком тошной злобы и ревности.
Я забыла о клятвах твоих и о верности.
Все бесовские силы на месть созывая,
Отвергая, на муки тебя отдавая,
Ненавидя, отталкивая и кляня,
Словом жгу и пытаю: с кем был без меня?

Молишь ты о пощаде — цепями прикручен,
Но я вновь пред тобою крапивою жгучей
В беспощадно-слепой, ужасающей ярости
Не несущи снисхожденья. Не ведая жалости,
Ненавидя, отталкивая и кляня
Жду огнем и пытаю: с кем был без меня?

Запалю я костры и кипящее зелье —
Для судьбы и молвы, для любви и похмелья —
В мираже предвечерней сумрачной сини
Расплещу, наколдую для милого имени.
Ненавидя, отталкивая и кляня
Жгу водой и пытаю: с кем был без меня?

Растерзала черты, не оставила облика,
Лишь душа его ищет светлого облака
И слезами течет утром сонным на травы...
Я из этой травы приготовлю отравы
И, испив горечь слез, слов, воды и огня,
Умирая, вздохну: с кем ты был без меня?

* * *

В те дни, когда Вы были влюблены,
Дрожали лица от горячечной волны,
Горели губы от несказанного слова,
И были годы наши бурей сметены,
В те дни, когда Вы были влюблены.

В те дни, когда Вы были влюблены,
Меня Вы ждали в институтских коридорах;
Молчали, в нас собравших шумных спорах,
Забыв о времени и о судьбе страны,
В те дни, когда Вы были влюблены.

В те дни, когда Вы были влюблены,
Я вечерами плакала в подушку
И удивляла любопытную подружку:
Вас, ждущего, не замечая у стены,
В те дни, когда Вы были влюблены.

В те дни, когда Вы были влюблены,
Я все в себе сдавила и распяла,
Любым воспоминанием спасала,
Зато сейчас благоговения полны
Те дни, когда мы были влюблены.

Тем дням, когда мы были влюблены,
Я шлю короткое свое признание:
Примите женщины усталой покаянье,
Я не забуду радостной волны
Тех дней, когда мы были влюблены.

Те дни, когда мы были влюблены,
Ноябрьским ветром остановлены, измяты,
Разорваны, надломлены, изъяты.
И я пишу тебе в другой конец страны,
В ту память дней, когда мы были влюблены.

1990

* * *

В те дни, когда меня любили,
Все разум четко отмечал:
Намеки, разговоры, лица,
Холодный взгляд из-за плеча,
Но наши сны раздельно плыли
В те дни, когда меня любили.

В те дни, когда меня любили,
Так было тяжело не забиться
В руках, как пойманная птица,
И трезвый ум еще молчал.
А вы, наверное, забыли
Те дни, когда меня любили.

Те дни, когда меня любили,
Исчезли, как бы невзначай.
И мысль печально-горяча
Сквозит в вопросе вечном: был ли
В сопротивлении резон
В московский слякотный сезон?

1990

* * *

Любовь, ты всеобъятна, непослушна,
Горишь в свече, на солнце, в головне,
В листве осенней тлеешь равнодушно,
Какая я — такая ты во мне.

Любовь, ты ветрена, непостоянна —
Не просит отклика внезапный взгляд,
А ты томишь предчувствием обмана,
Ужалишь исподволь, жжешь невпопад.

Как все в природе, ты — не без изъяна,
Взорвешься вдруг, чужим огнем согрета...
Любовь спасает, когда в сердце рана,
И убивает, лишь на чувство нет ответа!

* * *

Два времени, рожденных невпопад...
Создатель не додумал, не поверил —
И выпустив тебя на свет, назад
Меня отбросил, и захлопнул двери.

Который год просчитываю я
Те встречи, что дарил нещедрый бог,
Но в восьмилетней девочке меня
Ты, юноша, узнать никак не мог.

Не раз весна цвела в тебе потом,
Звала и билась в сердце... Не решился.
Уже имея дочь, жену и дом,
Метался, рвался — ты ко мне стремился,

Быть может?.. Что ж, лишь завтра всем простят
Две звездочки в огромном поднебесье,
Когда, сорвавшись, вместе полетят.
Им вечность все и выверит, и взвесит...

* * *

Выворачивает наизнанку,
Стекленеет в испуге душа,
Как возникну я спозаранку
У квартиры твоей. Не дыша,
Полумертвыми пальцами робко
Припаду к сигналу звонка.
Завибрирует нервами кнопка —
Трель ее громогласно гулка.
И в презрении твой серый город
Звук подхватит, рождая набат,
Торжествуя, злорадствуя, молот
Бьет по струнам дрожащим, и смят
Мой порыв, и распято влечение —
И взорвавши подъездную дверь —
Беспощадно ползет осужденье
По щербатым ступеням потерь.

* * *

Внезапный мой, рассудочный, до дрожи,
На осторожный вздох зимы похожий,
Минуту — близкий, а часами — дальний,
До глупости наивный, нескандальный,
До удивления бесстрастный и бессильный,

Скупой — случайно, странно изобильный,
Сгорающий огнем изнеможенья
Во мне, зовущей нежное движенье...
И рвутся ввысь, рожденные едва
В моей любви к тебе, твои слова.

* * *

Судьбы своей внезапному приказу
Вновь повинуюсь, мало ль было прочих?
Коварный май осыпал цветом фразы,
Октябрь же в них наставил многоточий
Дождем тоскливым, чтоб остыло тело;
Листвой, ржавеющей в замерзшей луже,
Стихи завяли; чувство облетело,
И трепет пальцев мне твоих не нужен.
Но если мой апрель тебе в угодую
Размоет прозы жизни берега,
То рифм потоки хлынут на свободу
И я опять вернусь к твоим рукам.

* * *

Тот зимний день был серым, бесприютным,
И стыл вокзал, и падал мокрый снег,
И в робком ожиданье неуютном
Ты звал меня сквозь час и день, и век.

Автобус, живший дерзостью полета
Сквозь город, через Волгу, в сонный лес,
Сквозь взгляд деревьев, осуждавших что-то,
Сквозь мир моей реальности, исчез,

Оставив мне тебя и этот белый,
Внесенный одиноко странный дом:
Балконов узкий шаг, заледенелый
Белесый окон взгляд. А за стеклом —

Зовущая к застывшему покою,
К мохнатому уюту навсегда —
Зеленой, сочной, траурной каймою
Огромных сосен темная гряда.

Их мрачный взгляд мне не несет тепла,
Но рук твоих объятие надежно,
И дней страданий тяжесть отлегла,
И не поверить снова — невозможно,

И в пальцах бьется кровь, и недалек
Желанный поцелуй, и стонет тело,
И страх утраты отпустил висок,
И я тебе шепнуть «люблю» успела...

1995

* * *

Распоясался ветер в весеннем дыму,
Возвращая снега и морозы,
Ты однажды сказал: «Я никак не пойму
Ни тебя, ни твоей глупой прозы...»

Распоясался день, солнце било и жгло,
Под сугробами жизнь клокотала.

Ты сказал: «Все, пора, столько лет утекло,
Ты напрасно меня завлекала...»

Распоясалась ночь. В хрипе, крике, бреду
Ты откидывал прочь одеяло.
Не проси, не зови, вот теперь я уйду.
Ждать, просить, унижаться — устала.

Страшный сон улетел. Серебристым дождем
Лето вновь занавесило утро.
Уходя, упрекнуть не могу я ни в чем,
Но зима без меня будет трудной.

* * *

Леденею, скоро замру
На студеном зимнем ветру.
В синем инее дремлют часы,
Сомневаясь, скрипят Весы,
И душа, расколовшись надвое,
Ищет мук обжигающих адовых.
Леденею, стыну, прости,
Строчки хрупки в холодной горсти,
И снега наметают, скорбя —
Не взойдут стихи без тебя:
Звуки хрипнут, вибрируют в горле,
Нужен вопль, чтоб взорвать это горе.
Леденею, скоро замру
На студеном зимнем ветру.
В синем инее дремлют часы.
Сомневаясь, скрипят Весы...

* * *

Я отцвела, и спелое зерно,
Омытое дождями и снегами,
Несла на суд любимого. Оно —
Отвергнуто холодными руками.

Я канула в безмолвный и громоздкий
Твой город, где так скучен окон цвет,
Где улицы — сплошные перекрестки,
И лиц не красит розовый рассвет.

В словах зарылась, как в листве опавшей,
Легла, травинкой новой проросла
И позабыла поцелуй вчерашний —
Я не была с тобою, не была

Там, где не фразы — злобные оскалы,
Где для любви — бесцеремонный свет,
Где я напрасно теплоты искала
И где в конце концов сказала: нет!

* * *

Скользну меж темных громадин
Сквозь свет фонарей непролазный...
Ах, будь ты трижды неладен,
Любовник мой неотвязный.
В последней осенней тревоге
Шагнешь ко мне — робок, нескладен,
Но не оглянись на пороге —
Не богом ты, дьяволом даден,

Любовник мой бесполезный,
Внезапный, небесталанный,
Победами небезызвестный...
Не шарь на такси по карманам...

* * *

Не в такт —
Не в унисон сердец чужих полет.
Не в цвет —
И глаз твоих уже синее лед.
Не в тон —
Разлуки голос хриплый за спиной.
Не всласть —
Я не твоя теперь и ты — не мой.
И тень —
Легла покорно на крыло судьбы.
И жаль —
Тебя я отпустила без борьбы.
И боль —
Утраты резко в голосе дрожит.
И страсть —
Увядший ветер листья ворошит.

* * *

Мне, уходящей, вслед не рвись с упреком,
И не бросай обломки жестких фраз.
«Безнравственна, капризна и жестока?» —
Возможно, что ж обманывало нас?
Не называй предательницей осень,

Что жертвенно под ноги мне легла,
Ты сам меня зимою прошлой бросил,
А я лишь долг вчерашний отдала...
Да, время выбрала холодное, пустое,
Век иссякает, ветер в душах бродит...
Зато узнаешь, что это такое,
Когда вдруг в осень женщина уходит!

* * *

Освободи! От встреч, от рук, от взглядов,
От с корнем вырванных свиданий, от любви.
Устала жить так! Мне и снов не надо,
Где снова — ты! Не мучай, не зови.

Освободи! Когда-то я металась
Не слыша голоса, не видя глаз твоих.
Все улеглось. Осталась лишь усталость
И где-то ненависть, пустая, на двоих.

Освободи! Уже необходимо
Вернуться вновь в обжитый старый дом,
Но только не забудь совсем, любимый,
Как любим мы, когда полжизни ждем!

* * *

Я мучительным чревом тебя извергаю,
Отсекаю росток, что осмелился цвести.
И с любовью и с ненавистью отторгаю
Не узнавшего жизнь, получившего смерть.

Я тебя изжила, перерезала путы,
Горизонт чист, ступай, с Богом, ветренный мой.
Что ж к рукам моим вновь ты вернулся,
беспутный?

Нет огня, что дышал нам обоим с тобой.

Пусто, холодно,
снег лег пустынным бездумьем.

Только гроздья рябины на черных ветвях,
И багровый закат в бывшем синем безумье,
И мой путь в никуда, сквозь разодранный страх.

* * *

Я отравлена поцелуем,
Что возник на вечернем хмелю,
И в глазах твоих неминуем
Приговор: «Вот кого я люблю!..»
Ты молчишь, я стыну в испуге
И от мыслей гудит голова.
Оттолкнуть не посмели руки,
Не помогут любые слова.
Был сановный нагл и напорист,
И хвастлив, и спесив, и туп.
И причем тут мой стыд и совесть?
Не спаслась от начальственных губ!
Содрогнулась — самым печальным
Оказалось среди той суеты —
Нет, не то, что шеф был нахальным,
А лишь то, что меня продал ты!

* * *

Так любила беспечно,
Но, надеюсь, сотрет
Время жесткие плечи
И солгавший мне рот.
Будет образ твой таять
Словно сумрак в окне.
Лишь печальная память
Навеки во мне.

2000

* * *

Нет, неминуема разлука,
Из-под зазубрин долгих лет
Сочится медленная мука —
Любви как не было, так нет.
И неоправдано терпенье,
Когда я сердце волоку
Сквозь злость общественного мненья
И против ветра, и в пургу...
А мысли вдруг черны и странны —
Лишь рвать, уничтожать и клясть...
Как трудно забывать обманы,
Как сложно пасть и не пропасть.

* * *

Бессмысленны слова любого качества,
Когда впиваются вдруг в жизненный сюжет,
Ложь и обман, измена и предательство...
И безрассудству лет прощенья нет.

2001

СОВРЕМЕННОКАМ

Жизни свойственно своеволие
и внезапный глупый расчет....
Дай нам, Господи, лучшую долю,
пусть судьба наша дольше течет,
стороной обойдет забвенье,
бед минует водоворот,
охладит семейные тренья
и не даст, чтоб увял наш род.
Пусть несет величаво, раздольно
непростой нашей жизни разбег...
Дай нам, Господи, лучшую долю
и достойный уверенный век!

Не вздыхай обо мне.

Ветер вешний

Переменчив. Он дарит надежды,

Ледяные срывая одежды,

Чтобы в почках бурлила листва.

Ты не верь,

Опаляя дыханьем,

Он коснется их страстным лобзаньем

И взлетит, не исполнив желанья,

И останется завязь мертва.

Не вздыхай обо мне.

Скоротечна

Та истома весеннего дыма,

И зыбка, и неосуществима,

И напрасно ликует молва.

Ты не верь.

Вездесущая осень

Все закроет багровым покровом.

И не выжить цветам опаленным,

И не ждет воскрешенья трава.

Не вздыхай обо мне.

Снег умерит

Твою пылкость и страстность, и жажду.

Нет, я не поклонения стражду,

Лишь надорвана жизни канва.

Не вздыхай обо мне...

* * *

Год истек. Трезвея, Обезьяна
Скомканным слезливым декабрем
Стала окна мыть в упрямстве пьяном
В доме, где мы больше не живем.
Смыла копоть синего пожара
Вспыхнувших надуманных страстей.
Души очишала от угара
Для январских свежих новостей.
Спел Петух у старого порога,
И от слов твоих не кружит голова...
А ты помнишь, как вчера, совсем немного,
Нам была такой безлюдною Москва?

* * *

Случайный взгляд твой мне,
увы, не нужен.
Он запоздал, отцвел и колет душу,
Что лжет себе, а просится наружу
В ответ на этот откровенный взгляд.
Ты слишком юн, иди уж, бог с тобою.
Уже не окунусь я с головою
В потоки чувств, разбуженных весной,
Забуду странное лицо и этот взгляд.
Я отойду в мой тихий серый вечер,
Мои года наброшены на плечи...
Как больно — реже все такие встречи...
И как болит во мне твой синий взгляд.

* * *

Как играют судьбой эти темные силы,
Миг ища роковой от пелен до могилы.
Как швыряют и мной
   постигают пространство,
Проверяя на грех, на любовь, постоянство.
Они спутали струны прежде песенной лиры.
Мне года и часы, и минуты постылы.
Вдруг мою человечью пересилив природу,
Мою душу внедрили в кошачью породу.
Я мурлычу в углу у хорошей хозяйки,
Мне бездомные кошки чужды — попрошайки,
Сплю и в сне просветленном
   вспоминаю тайком,
Как была в прошлой жизни
   синеглазым цветком.

* * *

Сквозь ветки осторожно
   прокрался майский день.
В туман лилово-синий
   заморозил сирень.
Черемухе на плечи
   накинул шарф дурманный
И в белой пене вишен уснул
   устало-пьяный.

* * *

Сиреневые свечи сиреневых кустов
Осыпал тихий ветер порошей лепестков —
Капелью снежных вишен,
                        черемуховых прядей
И изморозью яблонь. И походя, не глядя,
Вдруг смял кроваво-красную,
                        как жертвенный огонь,
Тюльпана в майский праздник
                        раскрытую ладонь.

* * *

Кем я была до моего рожденья
В апрельский день на голубой Земле?
И есть ли в нынешней — с той совпаденье,
Как разглядеть в туманной вечной мгле?
Была ли я стрелой острой звонкой,
Что тихо пела в старом колчане
Рыжеволосой гордой амазонки
Кентавром мчащей на своем коне?
Или дрожала я в крыле гусином.
И в облаках купалась день за днем,
И плачем Ярославны голосила,
В руке поэта вдруг застыв пером?
Во мне та песня, дрожь и плач, и вскоре
В заоблачной хрустальной вышине,
Решая судьбы, Бог и Бес заспорят —
В раю мне быть или гореть в огне.

* * *

Я жила ужом в переспевшей ржи,
То сучком притворяясь, то веткой.
Я ползла тишком от межи до межи,
И о небе думала редко.
Но Всесильный ввысь — то ли явь, то ли сон —
Вдруг подбросил меня, для забавы.
Горизонт в глазах заходил колесом...
Ты за что ж так со мной, Боже правый?
То ли хохот с небес, то ли рокот грозы:
— Надоело смотреть! Пресмыкаешься!
Коль летать не желаешь, давай ползи,
Но за непослушанье покаешься!
В страхе пестрою лентой вверх я взвилась,
И ветра порыв подхватили.
И в трезубец огня всей плотью впилась,
И меня на Земле позабыли.
Но когда небеса ярких молний клинки
Рассекут, под басы грозовые,
Знай, что я из-под властной всесильной руки
Освещаю твой путь, мой Мессия!

* * *

День слезинкою по стеклу
Вниз скользнул, подавив обиду,
Канул в черную вязкую мглу.
То, что был он, не подал и вида.

День, отброшенный равнодушно,
Зря светился и к солнцу рвался,

Был он жарким, тебе же стал душным.
Вновь понравиться и не пытался.

День, забытый тобой, стал ненужен,
Постарел и не спел новой строчки.
Всхлипнул тонкою льдинкою в луже
И весной не проклюнулся в почке.

* * *

В треугольнике трех вокзалов
Из квадратности отношений
Мне рвалось, но уже не бежалось,
Перетянутой цепью лишений.
От обид не жилось, а дрожалось,
Бились в горле задушенным хрипом
И презренье твое, и жалость
В чванстве глупом, смешном и безликом.
А колеса, стуча назидательно,
Повторяли прерывисто, с трепетом
Слов обрывки, когда-то старательно
С полудетским написанных лепетом.
И униженно, вне внимания,
Уничтоженно-полужива,
Все ж искала я со старанием
Для тебя живые слова.

* * *

Когда в безвыходность лет канут сроки,
Которым уже страсти невдомек,
Забуду жизни горькие уроки,
Вольюсь в переплетение дорог.

Исчезнут боль и слезы, и упреки,
Навязанные издавна и впрок,
Любившие меня — давно далеки,
И стерт годами юности порог.

Утраты и потери так жестоки,
От них скудеет в венах крови ток...
Все чаще душу бередают истоки,
Все крепче узел прожитых дорог.

* * *

На горизонте, где время расколото,
Неба свинцового плещет река,
Плавится солнца пунцовое золото,
Тают, как синие льды, облака.

Пряным, обманным, пьяным дурманом
В душу вошел поседевший апрель —
Страстный, но поздний и лгущий так явно
Чувствам, застывшим в буднях потерь.

Солнца весеннего знаю коварство,
Ветра не верю пустой болтовне —
Призрачно-зыбко апрельское царство
И не вернуться туда больше мне.

В осень — безумно цветение вишен,
Дерзкий полет остановит топор.
Дым от костра торопится выше,
И лепестки на земле, как укор.

Кинет, разлучница, в руки последний
Тихий, безжизненный лист золотой,
Дождь размывает словесные бредни...
И разговор между нами — пустой.

* * *

В поклоненье словам, в их случайные сны,
В паутинный обман, как на зов миража,
По спиральной тоске, от зимы до весны,
Запоздавшей внезапности глупо служа,
Я вливаюсь в причудливо-тошную вязь
Мной придуманных чувств. Замирает восторг.
На себя и на время свое не сердясь,
Спору с жесткой судьбой. Неумеренный торг
Обрывается вдруг от жестоких обид, —
Обжигающе-холоден — сквозь буйство фраз,
Содрогаясь от ненависти, кипит
В русле бывшей любви, там, где нет уже нас.
Как заманчива ложь, и как явственна суть
Мелкой суетной спеси от быстрых побед.
Багровеет закат и кончается путь...
Лишь в безумии звезд чистый искренний свет.

Март, 2001

* * *

*Сыновьям Евгению
и Ярославу*

Из тишины первоцвета,
Дерзостью юной полны,
Рвутся в преддверие лета
Тонких березок стволы.

Ветки в шелках изумрудных
В неба вплетаются синь.
Им не до суетных нудных
Нравоучений осин.

Что их замшелое счастье
Там, где порыв и восторг?
Но и в безудержной страсти
Есть свой последний аккорд...

СЛЕДУЯ ИСТИНЕ

Еще в начале VI в. до н. э. древнегреческая поэтесса Сапфо своими стихами убедительно доказала, что поэтическое творчество — привилегия не только мужчин. Впоследствии Платон заслуженно назвал ее десятой музой. Вслед за ней право женщин на поэтическое творчество навечно закрепила древнегреческая же поэтесса V в. до н. э. Коринна, чье имя стало нарицательным для талантливых поэтесс. С тех пор поэтический мир планеты знает много имен женщин-поэтов. Наиболее известные из них и близкие к нашему времени — Леся Украинка, Саломея Нерис, Габриела Мистраль, Евдокия Ростопчина, Зинаида Гиппиус, Вера Инбер, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Ольга Берггольц, Юлия Друнина, Белла Ахмадулина и многие другие. К ним смело можно отнести и чувашскую Сапфо Марию Волкову.

Но этим кратким перечнем список далеко не исчерпывается. В историю мировой поэзии вошли сотни и сотни имен женщин-поэтов, да еще сколько вольется со временем. Прошедшие последние десятилетия XX века особенно характерны наплывом волны авторов-женщин на всех языках во всех регионах

необъятной России. Коснулась она и русскоязычной поэзии Чувашии. В эти годы ярко вспыхнула и безвременно погасла поэтическая звезда Александры Дугаевой. Но ее пример успел вдохновить на поэтическое творчество Людмилу Андрееву, поэта не менее трагичной судьбы. На поэтической ниве появились новые имена: Мария Пайманова, Ирина Сабанцева, Светлана Насекина, Людмила Селиванова, Лидия Кубашина, Людмила Исаева, Елена Димитриева, Екатерина Ченских. И еще десяток имен можно было бы назвать, но задача состоит в том, чтобы сосредоточить внимание на творчестве одной из этих привержениц музыки — Лидии Кубашиной.

Имя Лидии Кубашиной почти не появлялось на страницах наших газет, разве только в двух-трех переводах нескольких ее стихов на чувашский язык. Творчество ее знакомо по двум коллективным сборникам, выпущенным Чувашским книжным издательством в 1994 г. («Стихи») и в 1999 г. («Межсезонье»). В обоих сборниках стихи Л. Кубашиной отличаются своеобразной манерой письма: отточенностью слов, краткостью и меткостью выражений, яркой и точной метафоричностью, любовно-насмешливым отношением к своим стихам, каким обычно любящие родители в рамках разумия порой подтрунивают над несмышленным дитятею. Всего этого она добивается благодаря творческим учителям, каковыми сама считает таких признанных мастеров поэтического слова и тонких лириков, как Н. Рубцов, Н. Гумилев, Ф. Тютчев. Разумеется, поэтесса отнюдь не ограничивает себя только ими, иначе не была бы она достаточно своеобразным поэтом.

В поэтических кругах почему-то принято считать, если поэт женщина, то и учителями ее являются поэтессы. Многие предполагают и говорят самой Л. Кубашиной, что в ее стихах отражена поэзия А. Ахматовой и М. Цветаевой. Грешил было этим и автор этих строк, тщетно ища подобную схожесть и с трудом обнаруживая ее. Конечно, есть некоторая схожесть со стихами позднего их творчества, и это вполне объяснимо, потому что и они учились у тех же поэтов: Н. Гумилева, В. Волошина, А. Фета, Ф. Тютчева, которыми проникался и Н. Рубцов. Так что поэтический кругозор Л. Кубашиной обширен, тем не менее в ее поэтическом мастерстве доминирующее начало следует искать в поэтике трех корифеев русской поэзии: Н. Рубцова, Н. Гумилева, Ф. Тютчева.

Творчество Лидии Кубашиной характерно тем, что в напечатанных ею до сих пор стихах нет начально-ученических и подражательных. Она пришла в поэзию вполне сложившимся автором с достаточно зрелыми стихами, отражающими искренность ее душевных чувств. Конечно, были и «Слов обрывки, когда-то старательно // С полудетским написанных лепетом». Самокритичное отношение к своему творчеству, точность слов, меткость выражений, краткость изложения, характерные для истинных поэтов, в стихах ее заложены изначально. Не каждому поэту удается отразить всю бренную жизнь человека от беспечной юности до полета освободившейся от тела души по темному коридору к спасительному свету, как сумела Л. Кубашина в стихотворении в четырнадцать строк «Разъята жизнь на полосы и даты...». У нее даже «Чужая мне строка, исторгнутая злом, лежит смеясь» над искалеченной ею жертвой.

При кажущейся иногда на первый взгляд простоте, стихотворения Л. Кубашиной не для легкого чтения, они требуют от читателя вдумчивости. При их чтении создается впечатление, будто читатель не сам проникается ими, а они втягивают его, каждое вопрошая: «Ну, каково?.. А ты прочти еще раз, может, найдешь для себя еще что-то новое». И действительно находишь, потому что за предельно откровенно и тщательно отобранными, поэтически тонко нанизанными словами зачастую кроется не прямое их смысловое значение, а более глубокое, метафоричное понятие.

Оставаться в творчестве всегда самим собой — непреложное кредо каждого истинного поэта. Поэтессой оно глубоко осознано, подтверждением чему является одно из ее четверостиший:

И в радости, и в горе, и в ненастье

Сама собою будь! Не всем дано

Высокого безоблачного счастья...

И быть самим собой — лишь истине равно.

И Лидия Кубашина творит, предельно следуя истине пережитых или созданных чувств, о чем убедительно говорит каждое ее стихотворение.

*Михаил Ставский,
литературный критик*

СОДЕРЖАНИЕ

СТРОКИ	3
ВРЕМЯ	14
СОСТОЯНИЕ	26
ГОРОД	34
НАВАЖДЕНИЕ	41
ОТРАЖЕНИЕ	64
<i>Михаил Ставский. Следуя истине</i>	74

Лидия Кубашина

ЕЩЁ ОДИН СЮЖЕТ

Стихи

Редактор *П.Е.Димитриев*

Художник *И.В.Алексеев*

Художественный редактор *Г.А.Игнатьев*

Технический редактор *Л.Н.Кондрашкина*

Корректор *Е.П.Семенова*

Компьютерная верстка *М.В.Филипповой*

ИБ 3203

ОКДП 221120

Изд. лиц. №010047 от 24.12.96. Подписано к печати 5.07.01. Формат 60x90 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл.печ.л. 2,5; Учетно-изд.л. 2,55. Тираж 1000 экз.
Заказ № К-2782. Изд. №45.

РГУП «Чувашское книжное издательство».
428000, Чебоксары, пр.Ленина, 4.

Отпечатано в типографии издательства
РГУП «ИПК «Чувашия».

428019, Чебоксары, пр.Ивана Яковлева, 13.

Кубашина Л. М.

К 89 Ещё один сюжет: Стихи. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. — 78 с.

Сборник состоит из шести разделов. В стихах отражены изломы судьбы и чувств, времени и природы, философия утрат и обретений. Образы поэтических творений импульсивны, интересны неожиданным углом зрения и внезапным итогом.

Автор несомненно имеет собственный голос.
Это третий сборник ее стихов.

ББК 84(2 Рос-Рус)

ISBN 5-7670-1199-0

9 = 00

Лидия Михайловна Кубашина

родилась в г. Чебоксары. Закончила историко-филологический факультет

Чувашского государственного университета.

С 1975 года работает в Чувашском книжном издательстве.

«Самокритичное отношение к своему творчеству,

точность слов. Меткость выражений, краткость изложения,

характерные для истинного поэта, — отмечает

литературный критик Михаил Ставский,

всё стихах заложены изначально. ...За предельно

откровенно и тщательно отобранными,

поэтически тонко нанизанными словами зачастую кроется

не прямое их смысловое значение, а более глубокое,

метофоричное понятие...»